

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I ПРИШЛА НА МИНУТОЧКУ....	6
Глава II РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ.	26
Глава III ДИТЯ ЛЮБВИ	46
Глава IV В ГЕРМАНИИ.	64
Глава V В ДОМЕ НА НАБЕРЕЖНОЙ	92
Глава VI РОЖДЕНИЕ СТРАХА	120
Глава VII ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ	156
Глава VIII ВОЙНА, ТЕАТР И ЛЮБОВЬ.	178
Глава IX АРЕСТЫ. ТЮРЬМА.	206
Глава X СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ.	244
Глава XI ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ.	272
Глава XII ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ	296
Глава XIII ЗВЕЗДА МЕЖДУНАРОДНОГО МАСШТАБА	328
Глава XIV ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ.	352
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.	378
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	380

ГЛАВА I

ПРИШЛА НА МИНУТОЧКУ...

Говорят, случайностей не бывает. Я тоже так думаю. Иначе как объяснить то, что, заглянув недавно на антресоли в своей квартире, среди стопок когда-то нужных, а теперь совершенно ненужных бумаг и записных книжек, пылившихся там десятилетиями, я обнаружила старую, показавшуюся мне незнакомой тетрадь? Один ее вид и тот уже вызывал недоумение. Потертая, видимо, когда-то коричневая матерчатая обложка с обрезамии страниц кричащего ядовито-розового цвета. Я открыла ее не без удивления. На пожелтевшей от времени бумаге в линейку простым карандашом хорошо знакомым мне почерком было выведено: «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво!» Ниже уже шариковой ручкой довольно крупными буквами: «Дневник Кости Рябцева». Кто такой? Не знаю... Эту надпись размашисто перечеркивало что-то вроде креста. И дальше: «бишь Кирки Непутевой!!!» Причем слово «Непутевой» подчеркнуто и само заглавие завершалось жирным-прежирным восклицательным знаком. Понадобилось несколько секунд, чтобы я пришла в себя. Как? Как такое могло случиться? Как я забыла про эту тетрадь?! И даже не тетрадь, а дневник Кируси, который она мне отдала более 20 лет назад и который я по совершенно непонятной теперь причине никогда не только не читала, но даже не открывала...

Май 2025 г.
г. Москва

1

Конец марта в Москве 1975 года выдался, что называется, не очень. Небо серое, на улице промозгло, моросит мелкий дождь, на асфальте растекшиеся во всю ширину тротуара лужи, улицы унылые, как и бегущий куда-то нескончаемый людской поток. Но для нас с Ритой Георгиевской, моей самой близкой подругой с детства, приехавшей из Кишинева, это не имело никакого значения.

Ощущение свободы в неполные семнадцать лет кружило голову и заставляло нас то и дело смеяться. Определенных планов относительно культурной программы, насколько помню, у нас не было. Мы могли идти куда хотим и развлекаться как хотим. Красота! Однако строгая бабка Риты — Евгения Германовна — свои пять копеек все же вставила, обязав внучку нанести пару визитов знакомым, проживавшим в столице.

«Слушай, — сказала Рита, — мне надо купить торт и сегодня отвезти его друзьям бабки и деда. Поехали со мной, тут недалеко, быстренько отдадим — и до свидания!» — «Потом можно поехать на улицу Горького, в кафе „Космос“, там такое мороженое: шарик поливают шоколадом, а сверху посыпают орешками!» — предложила я. «Отлично!» — обрадовалась Рита.

Купив в булочной около метро «Речной вокзал» торт с этикеткой «Ленинградский», мы прошли совсем немного по Фестивальной улице и, оказавшись перед добротным, в четырнадцать этажей кирпичным домом, бодро вошли в подъезд. «Седьмой этаж», — скомандовала в лифте Рита. Коробка с тортом выглядела солидно, и она смело нажала на кнопку звонка нужной квартиры.

Послышались чьи-то торопливые шаги и возглас: «Сейчас, сейчас открою!» Дверь распахнулась, и пожилая, как нам тогда показалось, невысокого роста женщина, вся такая уютная, с приятными ямочками на щеках, радостно протянула к нам руки: «Здравствуйте, девочки! Как хорошо, что пришли, а то мы с Маркушей уже заждались вас!» И, не дав нам опомниться, она заключила в объятия сначала Риту, потом меня. Ее муж, очень похожий на композитора Дмитрия Шостаковича, на голову ниже супруги, застенчиво улыбаясь, щуря даже в очках близорукие глаза, предложил снять пальто, помыть руки и пройти в кухню к накрытому столу...

Так я познакомилась с Марком Борисовичем Мирским и его женой Кирой Павловной Политковской, которую вскоре стала называть не иначе как Кируся.

Возможно, в это трудно поверить, но только через 50 лет с момента записи в Кирусином дневнике я прочитала: «1975 год. Позвонила Евгения Германовна из Кишинева и сказала, что в воскресенье 23 марта к нам приедет ее внучка Рита на школьные каникулы. Появилась она в 19:00 часов со своей подружкой Ирой Дешковой, которая учится здесь в балетной школе при Большом театре... Ира нам с Маркушей очень понравилась, пригласили ее навещать нас почаще. Стали звать ее Снегурочкой».

В общем, как говорится, я зашла на минуточку, а осталась там на всю жизнь...

Поскольку мои родители еще не переехали в Москву, я, как все иногородние дети, жила в интернате хореографического училища на 2-й Фрунзенской улице. Конечно, я тосковала по домашней обстановке, человеческому теплу и заботе. Все это совершенно неожиданно подарили мне Кируся с Маркушей.

Наша симпатия друг к другу оказалась взаимной. Я стала частой гостьей в их доме. Приезжала на выходной, в субботу вечером, когда в училище заканчивались уроки и репетиции. Оставалась, как говорила Кира Павловна, «с ночевой». В ее комнате Марк Борисович ставил для меня раскладушку и деликатно исчезал. Он уходил, а мы с Кирусей еще долго вели всякие беседы. Вернее, она рассказывала, а я с интересом слушала про то, как она еще до войны, в конце 1930-х, училась на актерском отделении Щепкинского училища при Малом театре, как в 1957 году пришла работать на телевидение, какие фильмы на очередном международном кинофестивале ей удалось недавно посмотреть...

Я настолько прижилась в этой семье — своих детей у них не было, — что у меня завелись там и собственные тапочки, и халат. На воскресный обед Маркуша обычно готовил свои салаттики: в пластиковые коробочки из-под сметаны или творожной массы он раскладывал, а потом заправлял подсолнечным маслом аккуратно, почти с математической точностью нарезанные капусту с морковкой, отварную картошку с зеленым лучком и горошком. А Кируся с видом фокусника разливала, как она его называла, свой «суп из топора». В него добавлялось все, что в тот момент можно было обнаружить в холо-

дильнике марки Rosenlew. По-моему, единственной дорогой вещи, находившейся в их квартире.

Кира Павловна в свои 56 лет недавно вышла на пенсию. Марк Борисович, архитектор по профессии, постарше жены, работал в проектно-институте. Жили они дружно и, казалось, как-то легко. Любили посмеяться, с чувством юмора у них было все в порядке. Очень быстро между нами установились по-настоящему близкие, почти родственные отношения. Но однажды...

По-моему, дело происходило летом, потому что окна в квартире были полуоткрыты. Я знала, что Кира Павловна боится сквозняков, говорила, что ей даже из кармана дует, и решила закрыть дверь в комнату. Дернула за ручку. Железный язычок замка, с размаха несколько раз ударившись о щеколду, издал отвратительный, резкий звук. Дверь с грохотом захлопнулась.

И тут из кухни с ложкой в руке словно ошпаренная выскочила Кируся. Бледная, с перекошенным лицом, она рванулась ко мне и выдала настолько впечатляющую порцию отборного мата, что я остолбенела. Признаюсь, многие словосочетания были услышаны мной впервые. Понадобилось какое-то время, чтобы мы обе пришли в себя. Кира Павловна очнулась первая. Видя мое изумление вперемешку с испугом, обняв меня за плечи, извиняясь, она сказала, что на дух не выносит лязга захлопывающейся двери, и попросила меня больше так никогда не делать... Я, конечно, кивнула в знак согласия, но на самом деле ничего не поняла. Откуда мне было знать, что именно с таким звуком закрываются двери тюремной камеры...

2

Как позднее выяснилось, на Фестивальной улице Кируся жила в кооперативной квартире, принадлежавшей мужу. Ее же собственная небольшая однушка в длинном панельном доме в Дмитровском проезде пустовала. Сдавать кому-то чужому свое жилье Кира Павловна то ли боялась, то ли не хотела. Но когда в 1978 году я поступила на театроведческий факультет ГИТИСа, она без всяких просьб с моей стороны предложила нам с подружкой по институту Ирой Рощенко в ней поселиться. Причем наотрез отказалась брать с нас даже самую

незначительную плату. Смясь, Кируся сообщила, что у нее в квартире все просто, без затей и что вора там делать нечего. Попросила только вовремя выносить мусорное ведро и как следует запирать входную дверь. Выполнять такие требования оказалось совсем несложно.

При всей скромности обстановки квартира Киры Павловны выглядела очень уютной. «Архитектурной доминантой» комнаты являлся солидный платяной трехстворчатый шкаф светлого дерева. Два его отделения с полками сверху донизу заполняли какие-то хозяйские вещи, а третье Кируся отвела нам с Иришей под одежду. У стены прилежал маленький диван, накрытый клетчатым пледом, напротив стояли небольшой столик и тахта с подушками. Рядом тумбочка для постельного белья, на которой размещался явно повидавший виды старый ламповый радиоприемник. И вот тут, на нем, находилось нечто такое, что делало комнату особенной...

На радио на кружевной вязаной салфетке в гордом одиночестве стояла чуть пожелтевшая от времени довольно большая фотография красивого молодого мужчины в военной форме, на отложном воротнике виднелись звезды и знаки отличия с силуэтом танка. В его выразительном, отмеченном какой-то пронзительной печалью лице явно угадывалась южная кровь.

Фотография привлекала к себе внимание всякий раз, стоило только войти в комнату. Быть может, потому, что «дедушка», как мы с Ирой стали его называть, словно специально встречался с нами взглядом. И куда бы ты ни шла, его грустные глаза, опущенные густыми ресницами, будто нарочно следовали за тобой. Позднее в музеях я видела живописные портреты, написанные художниками с использованием приема «следящих глаз». Но фотографии, подобной этой, я не видела больше никогда.

Понятно, что «дедушка» приходился Кире Павловне родственником, но спрашивать у нее, кто именно делит с нами жилплощадь в Дмитровском проезде, и мысли не было. К тому же нас с Ирой это попросту не интересовало. Учились мы с удовольствием, по вечерам пропадали в театрах и, приходя домой, уже привыкли встречать этот странный, притягивающий к себе взгляд. Однако! Если кто-то из друзей заваливался к нам в гости или намечалась вечеринка, «дедушка» с извинениями отправлялся в шкаф на какую-нибудь полку, чтобы никого не смущать своим присутствием. А на следующее утро он торжественно возвращался на законное место на радиоприемнике.

В тот день я собиралась проделать эту уже ставшую привычной манипуляцию и полезла в шкаф, чтобы вынуть фотографию, но задела одну из коробок, стоявшую поблизости. Шлепнувшись на пол, она раскрылась, крышка отлетела куда-то в сторону, и высыпавшиеся оттуда снимки веером раскинулись у моих ног. Ойкнув, я стала их торопливо собирать. Иришка, видевшая крушение, смеясь, сказала: «Хорошо, что ты не „дедушку“ уронила!»

Именно в этот момент одна из фотографий привлекла мое внимание. На первом плане стояли в полный рост в гражданской одежде наш улыбающийся «дедушка», а рядом с ним очаровательная женщина с пикантными ямочками на щеках, в модной шляпке на кокетливо склоненной голове, и видный мужчина в генеральской форме с несколькими рядами орденов и медалей на груди.

Но самым необычным в этой фотографии мне показался фон, на котором снялась компания. За их спинами угадывался знакомый монумент «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной, а чуть дальше виднелись неизвестно откуда там взявшийся силуэт Эйфелевой башни и знамя, развевавшееся на высоком флагштоке. В центре полотнища бросалось в глаза сизое пятно. Я позвала: «Ир, иди сюда, тут что-то странное». Было похоже, что пятно на фото кто-то специально нарисовал простым карандашом. Я автоматически потерла его пальцем, мы ахнули. Ничего себе! Нацистская свастика, это был флаг фашистской Германии.

Не помню, как, приехав к Кирусе, я решила задать вопрос о фотографии. Помню только, что никакой радости по этому поводу на ее лице не отразилось. Посмотрев на снимок, она сказала каким-то сухим, незнакомым мне тоном: «Это я свастику карандашом зарисовала: жаль было из-за нее рвать такую хорошую фотографию. Это мамочка с папой и Александровым в Париже на Всемирной выставке в 1937 году. Да... папочка тут такой красавец, кто мог представить, что его через год не станет...» И ушла на кухню.

Я стояла притихшая, размышляя, как бы не провалиться сквозь землю. Ну кто тянул меня за язык? Марк Борисович подошел и тихо, как-то успокаивающе сказал: «Понимаешь, Ирочка, тут не все так просто. Мы с Кирой Павловной давно хотели тебе рассказать... Дело в том, что папа Киры Павловны — Павел Сергеевич Аллилуев — приходится родным братом жене Сталина — Надежде Сергеевне Аллилуевой, то есть Кира Павловна — племянница Сталина. Но мы это не афишируем: не те вре-

мена. Я тебе дам почитать одну книгу, она о дедушке Киры Павловны, он был революционером, знал Ленина...» — «А почему Кируся носит фамилию Политковская, не Аллилуева?» — ничего умнее не додумалась спросить я. «Это фамилия ее первого мужа, да так и лучше, и спокойнее», — рассудительно заключил Маркуша. Естественно, ни о каких Аллилуевых я тогда слыхом не слыхивала.

3

С тех пор минули не годы — несколько десятилетий... В силу обстоятельств я совершенно неожиданно оказалась в эпицентре событий, связанных с жизнью Киры Павловны и, как следствие, с семьей Аллилуевых. Ее дедушки и бабушки, мама с папой, дяди и тетки, их мужья, то есть все старшее поколение родственников, включая дядю Иосифа, то есть Сталина, были для Кируси совсем не тенями из прошлого. По-моему, не случалось и дня, чтобы она кого-то из них не вспомнила.

Благодаря ее живым, непосредственным рассказам и особенно замечательным показам — не надо забывать, что Кира Павловна обладала незаурядным даром характерной актрисы, — уже скоро мне было довольно легко представить каждого из них. Порой казалось, я даже была с ними знакома в какой-то другой жизни, настолько точно Кируся воспроизводила их пластику, интонации и манеру речи. «Пройденный материал» она, сама того не замечая, закрепляла показом семейных фотографий. Время от времени из глубин комода она доставала милые сердцу вещицы вроде муаровой ленты от платья ее мамы или маленькой китайской тарелочки из папье-маше со стеблями тростника на золотом фоне.

Однако было в повествовании Кируси нечто такое, что меня сначала насторожило, а потом все сильнее и сильнее стало смущать. Это касалось отношения к Сталину — ее личного, а также семьи Аллилуевых в целом.

С одной стороны, Кируся абсолютно трезво оценивала Родственника, называя его человеком коварным, но, с другой стороны, он оставался для нее дядей Иосифом, о котором она часто высказывалась даже с симпатией. А ее мама и тетушка Анна Сергеевна, вернувшись из тюрьмы, и вовсе с уважением говорили об Иосифе Виссарионовиче.

Мама Кируси, Евгения Александровна, не преминула заметить в первый же вечер дома после освобождения: «А Сталин меня все-таки выпустил!» И, услышав, что он умер, чуть ли не в обморок упала, заплакала, пошла в Мавзолей с ним проститься.

Старшее, уцелевшее поколение аллилуевской семьи искренне верило, что причиной всех их несчастий являлся именно Берия. И, судя по всему, не только Аллилуевы, но и огромное число репрессированных, их родных, друзей, знакомых верили в полную невиновность Сталина.

В психологии есть понятие «стокгольмский синдром». Смысл его заключается в том, что пострадавший человек начинает оправдывать своего мучителя, относиться к нему не только с уважением, но и защищать, почитать и даже любить его. Вот уж непостижимость человеческой души...

4

Когда в 1979 году не стало Марка Борисовича, мы с Кирой Павловной сошлись еще больше. Вместе проводили много времени. Я нашла в ней близкого человека. Она же обрела во мне опору, друга, спасение от одиночества. Несмотря на большую разницу в возрасте, нас объединяло очень многое: любовь к театру и кино, музыке, книгам.

Ее родные братья — средний Сергей и младший Александр Павловичи, считавшие Кирусю простушкой и бессребреницей, — не особенно интересовались ее жизнью. Бывало, приеду, а она мне со смехом: «Сегодня медведь в лесу сдох, звонил Сергей Павлович». — «И что сказал?» — «Здравствуй, Кира, вот звоню». — «А дальше?» — «А дальше он сказал: ну ладно, Кира, до свидания!»

Общение между ними ограничивалось редкими семейными сборами, дежурными телефонными звонками, иногда заходом на чай в праздники, в лучшем случае с пакетом сахарного песка в качестве подарка. «Пусть Саша хоть сахар принесет, — говорила она по поводу визита младшего брата, — а то так и придет в гости с пустыми руками». Однако открыто Кира Павловна ни на кого из своих не обижалась, ни с кем не конфликтовала, разбора полетов не устраивала, старалась соблюдать семейный политес. Но в разговорах со мной, не стесняясь, называла все своими именами.

То, что некоторые, и родственники в том числе, принимали в Кирусе за простодушие, граничившее с недалекостью, на самом деле было маской, с помощью которой она старалась себя защитить. Мол, что с меня, такой тяпы-растяпы, возьмешь? Недаром даже на первой странице своего дневника она назвала себя Киркой Непутевой! Для чего? Чтобы спрятаться, чтобы не обидели. И это срабатывало. Но, оказывается, не всегда.

Как-то одна очень умная дама, которая знала Киру Павловну многие годы, сказала о ней: «Не так проста, как кажется». И это действительно так. На самом деле Кируся обладала ясным, трезвым умом и хитростью, схожей с крестьянской сметкой. Она хорошо разбиралась в людях, в чем я не раз могла убедиться, умела скрывать свои чувства, но обид не забывала.

На двух последних страницах ее дневника есть запись, которая меня по-настоящему обескуражила. Относится она, судя по всему, к 1975 году, когда самые близкие «родственнички», как она их в сердцах называла, буквально выдворили Киру Павловну из их общей — родительской — квартиры на улице Серафимовича, 2, в знаменитом Доме правительства.

Вот финал дневника в том виде, как его написала Кируся, включая знаки препинания:

«Что мне досталось от наследства, хотя прожила я там 55 с половиной лет с мамой в ее доме под ее крылом!!!:

- четыре тома Шекспира;
- весь Диккенс;
- 12 столовых мелких тарелок немецкого сервиза;
- 6 глубоких тарелок;
- 2 кувшина, бежевый и коричневый;
- фужеры — 2 желтых, 2 белых больших, 2 белых средних, несколько рюмок;
- 5 белых тарелок с синей полоской;
- несколько стеклянных вазочек для варенья;
- большая сковородка с черной ручкой; несколько немецких кастрюль 30-х годов!!!, привезенных нами еще из Германии;
- 2 супницы от немецкого сервиза;
- судки для обеда (битые).

Из мебели у мамы в комнате:

- небольшой платяевой шкафчик;
- 6 маленьких старых стульев;

- кресло красное мягкое, к нему низкий письменный столик;
- низкий сервант, на нем одна (подчеркнуто ручкой) книжная полка;
- небольшой комодик;
- старый сундучок из Норильска, как память о тех давних днях, когда там были папа с мамой в 1925 году.

Кухню купил за свои деньги Маркуша, люстру тоже, чайную посуду с бора-сосны, кто что подарил, так и есть... Вот вроде и всё...

Столько подписывалась на заём, с 1941 года, и ни одной облигации не дали...»

5

Тот, кто не знал Киру Павловну, прочитав этот список, мог бы подумать, что она обиделась на родственников из-за наследства. Думаю, это не так. Дело не в вещах, не в их количестве и ценности. Ее оскорбил сам факт отнятого дома, унижительной дележки.

Несмотря на кремлевский статус семьи Аллилуевых, Кируся была на удивление неизбалованным человеком, более чем скромной в потребностях и привычках, совершенно неприветливой в быту. Назидательным тоном при случае она не раз повторяла, что большую часть жизни провела в квартире, где вся мебель имела инвентарные номера. И это обстоятельство ее никогда не смущало.

Порядок и удобство Кира Павловна понимала по-своему. Во-первых, каждый предмет в ее доме, от таза в ванной до стопки старых газет в прихожей, про мебель нет и речи, имел свое, раз и навсегда определенное место. Однако как только она сама где-то усаживалась, то моментально обрастала кучей разных вещей: журналов, ручек, карандашей, чашек, каких-то записных книжек, подушек и т.д. Ее мама Евгения Александровна Аллилуева, хорошо знавшая дочь, очень точно называла этот кавардак вороньим гнездом. Во-вторых, на полу в кухне Кируся часто раскладывала газеты. Когда я спросила зачем, она объяснила, что весь сор падает на газеты и, чтобы навести чистоту, надо эти газеты с сором только собрать и выбросить.

Любая попытка разобрать «воронье гнездо» рассматривалась Кирусей как проявление крайнего неуважения и покушение на ее личное

пространство. Слышалось коронное: «У себя командуй, а я уж тут сама как-нибудь разберусь».

Если я собиралась делать у нее уборку, подмести или вымыть пол — сама Кира Павловна была, как она выражалась, «не по этому делу», — то начиналось брюзжание и ворчание, что в доме и так все чисто. Но как только мой «набег» подходил к концу, она заметно веселела, обнимала меня, признавая, что теперь даже дышать стало легче.

Когда в квартире отклеивался кусок обоев или на стене появлялось какое-то жирное пятно, Кира Павловна решала проблему с помощью молотка и гвоздика. В результате в интерьере время от времени появлялась новая картинка в виде вырванной из большого календаря страницы с осенним пейзажем или с видом морского побережья.

Однажды в кухне старые обои вместе со штукатуркой отслоились настолько, что угрожающе нависли над буфетом с посудой. В тот день мы с приятелем привезли длинную вьетнамскую циновку с изображением дракона. Как раз наступил его год. Кирусю, обожавшая восточный календарь и все, что с ним связано, пришла в восторг от подарка и предложила с его помощью решить проблему. Мы не возражали и, зажав в руках молоток и гвозди, дружно встали на буфетный выступ. Помню сначала сухой треск, а потом уже себя, стоящую на полу по шиколотку в осколках посуды. Буфет, у которого от нашей тяжести подломилась одновременно все четыре ножки, удерживался от окончательного падения только благодаря ногам моего приятеля, лежащего бревном поперек стола. Кухня была невелика по размеру.

Как мы не задели сидящую рядом Кирусю, как не убились сами, падая с метровой высоты, не знаю. Но вместо того чтобы ругать нас последними словами, Кира Павловна вдруг с оптимизмом заявила: «Вот и хорошо, что столько посуды побилось, зачем она мне в таком количестве? — и, выбирая из груды стекла чудом уцелевшее блюдо или крышку от разбившегося чайника, радостно восклицала: — Ой, смотрите, целые!»

Вскоре после погрома я привезла ей новые тарелки, чашки и рюмки. Принимая коробку, Кира Павловна строго сказала: «Ладно, эти оставь, но больше не возьму. И знаешь, то, что буфет стоит без ножек, прямо на полу, мне даже удобно. Теперь можно спокойно оттуда сверху, не вставая на табуретку, взять будильник и даже поставить вазу с цветами».

6

Несмотря на трагические события в жизни, Киру Павловну можно назвать большой оптимисткой. Длительное уныние и хандра не были ей свойственны. В плохом настроении она могла «спустить собак», но быстро остывала и раскаивалась. Умела радоваться самым простым вещам: баночке сваренного кем-то варенья, пачке индийского чая со слонем, какой-нибудь копеечной статуэтке котика или собачки. Банка молотого кофе вообще вызывала восторг.

Кируся любила и принимать, и делать пусть небольшие, но от души подарки. Помню, я нигде не могла купить подходящие пуговицы к блузке. «Сейчас у тебя все будет, — весело пообещала она и, порывшись в каком-то ящике, извлекла на свет несколько чудесных костяных пуговиц в виде белок. — Это еще со времен Германии, дарю!»

Имея довольно скромные денежные сбережения при пенсии в 82 рубля с копейками в месяц, Кира Павловна умудрялась еще и поддерживать тех, кто, по ее мнению, нуждался в помощи.

Недалеко от ее дома находилась березовая аллея с лавочками. Летом Кируся непременно туда наведывалась, чтобы поболтать с приятельницами, обсудить последние новости культуры, прочесть газеты и даже пожурить какую-нибудь рассеянную мамашу, оставившую малыша без присмотра.

Однажды, вернувшись с прогулки, она с сокрушенным видом произнесла: «Сегодня познакомилась с молодой женщиной. Она гуляла у нас по аллее с коляской. Знаешь, у нее настолько заморенный вид, она ужас какая тощая... Мне стало ее жалко, такая молодая и такая несчастная! Я с ней, конечно, познакомилась. Оказалось, ее муж — художник, а платят ему очень мало. Денег в семье вообще нет». — «Хочешь предложить деньги?» — «Нет, это неудобно, будет выглядеть как подачка. Я хочу, чтобы ее муж написал мой портрет!»

Сказано — сделано. Через день на кухне у Кируси я застала худющего, с засаленными длинными волосами и нервным взглядом мужчину лет тридцати. «Ну, как он тебе?» — спросила Кира Павловна, когда визитер, накормленный и напоенный, отбыл домой. Я пожалала плечами. «Держит себя, конечно, скованно, — заключила она, — но по виду — настоящий художник! Мы договорились, что первый сеанс завтра».

Не буду вдаваться в подробности, но через месяц Кируся торжественно заявила, что портрет готов и теперь можно на него взглянуть. Войдя в комнату, я увидела стул, на котором, закрытое простыней,

стояло нечто похожее на холст. Жестом, полным значения, видимо в предвкушении сюрприза, она сдернула ткань... О боже! На меня смотрело отдающее сизым лицом блином и в очках, весьма отдаленно намекающее на Киру Павловну. Особое внимание привлекали мясистый нос и кирпичного отлива щеки. Серая лохматая кофта из мохера, которой так гордилась Кируся, напоминала сбившуюся шерсть бездомной собаки.

«Тебе тоже не очень?» — уловив мой остекленевший взгляд, вдруг спросила она, как-то одномоментно утратив пыл. Я нервно слотнула: «А этот художник, он, собственно, где работает?» — «Да у нас тут недалеко, в магазине продуктов». — «А-а-а», — простонала я. — «Да, само лицо ему не очень удалось, и кофта тоже, но причесочка-то, причесочка! Такой сэссон французистый с кудрями, по-моему, совсем не плох. Во всяком случае, человек трудился, получил свои деньги и ушел очень даже довольный». — «Ну еще бы», — хмыкнула я, не чувствуя засады. — «Теперь твоя очередь», — совершенно серьезно заявила Кира Павловна. — «В смысле, моя?» — «Ну, ты же не против помочь бедствующей семье с маленьким ребенком, теперь пусть он тебя напишет. Ты такая хорошенькая, тебе нужно иметь свой портрет. Он тебе просто необходим!»

Спорить бесполезно. Я стоически выдержала несколько сеансов, ни разу не заглянув в творение Кирусиного протеза. Наконец и мой портрет был завершен. Настал момент истины. Но тут даже Кира Павловна не сразу нашла, что сказать.

Прямо на нас с «картины» смотрела какая-то совершенно незнакомая дородная тетка с нездоровой, в голубизну физиономией. Однако больше всего меня поразило другое. С обеих сторон ее шеи, в промежутке между мочками ушей и плечами, на фоне цвета аптекарской зеленки было изображено по паре каких-то странных человеческих фигур. Присмотревшись внимательнее, я различила в них что-то вроде дам в длинных платьях и кавалеров в панталонах. «Это кто?» — оторопело поинтересовалась я у автора. «Ну, вы же связаны с балетом, я решил это подчеркнуть и внести в работу сцены танцев, что-то такое в стиле Антуана Ватто!» — на полном серьезе ответил «гений» из магазина продуктов. «Очень хорошо, — раздался откуда-то сзади фальшиво веселый голос Кируси, — думаю, все очень удачно. Культурненько, интеллигентненько! На этом мы с Ирочкой пока остановимся, а дальше видно будет!»